

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИКА: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Историческое исследование всегда испытывает влияние политической власти, которая основывает на прочтении прошлого свою легитимность. Таким образом, сама функция историков, состоящая в интерпретации прошлого, очень часто рассматривается политической властью как проявление согласия или оппозиционного настроя. Хотя таковое видение роли историка главным образом сформировалось в политических системах абсолютного типа или, более позднего, авторитарного – необходимо вспомнить о роли придворного историка, который превозносил деяния монарха, и об историографии при тоталитарных режимах, – оно и сегодня, менее заметным образом, продолжает характеризовать отношения между «историей и политикой».

Мы не можем назвать данное явление аномальным, я считаю, что это особенность немалого количества государств: везде власти необходима легитимация, и везде она стремится преподнести свою природу как элемент преемственности лучших традиций и прогресса.

К этому краткому первоначальному наблюдению мы должны присоединить дальнейший элемент для размышления: рассматривать собственное прошлое в соответствии с нуждами момента является обычной потребностью для политических партий, вследствие чего необходимая работа по пересмотру историографии, которая придает смысл и ценность историческому исследованию, практически неизбежно подчиняется нуждам политики. Здесь, естественно, в игру вступает способность ученого быть независимым в ходе исследования и оценки, свободным от различных условий, даже от тех, которые происходят из его собственных политических убеждений. В Италии было много выдающихся историков, историков же «свободных», в смысле здесь обозначенном, – гораздо меньше. Речь идет об историках, способных принять исследование за ведущую линию собственной деятельности и сделать таким образом, чтобы политическая оценка была последним следствием проведенной работы, а не основой для ее начала. Подобное поведение демонстрирует существенную отчужденность от концепции толерантности, так как отсылает в лагерь «врагов» тех, кто не разделяет главенствующие идеи. Исследование, таким образом, стало характеризоваться как ограниченная научная деятельность. Является правдой то, что границы ее были достаточно широкими, но в Италии попытки выдвинуть интерпретации новые или идущие вразрез с существующими по поводу фашизма или коммунизма (о роли Итальянской коммунистической партии или взаимодействии с советской коммунистической партией) было задачей, к которой приблизились лишь немногие, что каким-то образом отозвалось на их карьере и отношениях с научным сообществом.

Доклад на I международном конгрессе «Толерантность в современной цивилизации» (Екатеринбург, Уральский гос. университет, август 2002 г.). Перевод с итальянского языка Е.Н. Котельниковой.

Эти процессы отчасти объясняют причину многих историографических полемик в Италии; различные школы столкнулись в суровой борьбе, так как интерпретация нашего недавнего прошлого, в особенности от прихода фашизма к власти и далее, служила основой для легитимности тех или иных политических сил.

В частности, элементом, характеризующим нашу историографию, является разделение на четко очерченные идеологические и культурные области, через которые историки демонстрируют, более или менее непосредственным образом, свою приверженность к тем или иным идеям. Это приводит к тому, что историки чувствуют себя вправе заботиться о том, что касается только «их поля» и считают всех остальных непрошеными гостями: католики занимаются католическим движением, историки-коммунисты всем тем, что относится к коммунизму и так далее. Таким образом, не осталось свободного места для честного исследования, и тот, кто попытался следовать этой дорогой, ведомый исследовательским интересом, был автоматически включен в политическую или идеологическую область исследуемой проблемы.

Для примера, профессору Ренцо Де Феличе, о котором часто говорится в связи с этой проблемой, много раз приписывался эпитет «фашист», хотя он им не был, только потому, что он изучал фашизм и Муссолини.

Как известно, работа историка несомненно имеет свою этику, но она должна быть светской если призвана стать научным исследованием, а не «наукой» на службе у власти. Конечно, историк должен преследовать какую-либо цель, но не ту, которая установлена властью или имеет смысл в легитимации идеологии, целью историка является «исследовать» без всяких ограничений, кроме тех, которые состоят в постоянном поиске исторической правды. И продолжать в научной манере означает, в первую очередь, действовать интеллектуально честным образом, в противном случае нет никакого смысла говорить о толерантности или же о свободе, которая является в одно и то же время и источником и результатом толерантности.

В период, когда работа Ренцо де Феличе дала свои лучшие результаты, которые в Италии в то время рассматривались коммунистической и католической историографией как ересь, не существовало толерантности для тех, кто отклонялся от интерпретации, считавшейся политически «правильной». Речь шла о серьезных с научной точки зрения работах, не предлагавших никакого предлога для разрушительной критики, которая напротив развязалась, поскольку ставились под сомнение главенствующие постулаты. Ни Ренцо де Феличе, ни кто-либо из его учеников, не начинали свои исследования ради реабилитации фашизма или показывания чего бы то ни было: в этом отношении де Феличе был твердым с самим собой и с теми, кто с ним сотрудничал и присоединялся к его учению и его методу. История есть исследование, по окончании которого появляется какая-либо интерпретация, оно никогда не начинается с тезиса, который нужно доказать, так как не имеет задачи оправдания, а, напротив, объяснения.

Этот способ проведения работы, который сейчас все больше закрепляется, долгое время был нетипичным методом, потому что толкал ряд исследователей на изучение тех тем и проблем, которые выходили за рамки их идеологической приверженности, и были выбраны только ради самого процесса исследования и стремления понять некоторые фундаментальные процессы нашей истории, лишь отчасти объ-

ясненные утвердившимися интерпретациями. Я не хочу затрагивать область этих проблем, что сделают некоторые уважаемые коллеги в своих докладах, я лишь намереваюсь подчеркнуть связь между данной темой, толерантностью и ситуацией, которую пережили в Италии некоторые историки, которые не хотели работать в согласии с политическими силами даже в том случае, когда чувствовали, что идеально им соответствовали. На самом деле, в рамках «школы» де Феличе были ученые-сторонники различных политических убеждений, от правых до левых, объединенные общим пониманием роли историка и истории, задачи, которую мы как историки должны понять и разъяснить, даже если она обязывает обратить наше внимание и критику на силы, являющиеся олицетворением идеалов и ценностей, которые мы сами разделяем.

Первой из этих задач является именно толерантность: как мы можем понять, что она собой представляет, как она может быть реализована, если мы же сами не в состоянии следовать ей?

Историографическая школа, которая намеревалась отрицать другую школу, потому что последняя не разделяла ее установки и результаты, которые за ними бы последовали, как может такая школа высказать сегодня что-либо полезное, а тем более значительное об усложнившейся ситуации мире? Можно ли говорить о толерантности, практикуя нетерпимость? Что более ценно: то, что произносится или то, что делается?

Толерантность, и здесь я считаю необходимым приблизиться к теме, которую я выбрал для разговора, в первую очередь означает принятие отличий. Где есть разнообразие, там может осуществляться толерантность, которая ради того, чтобы оставаться таковой и быть ценностью, не должна стремиться к исчезновению разности и к созданию однородности и единообразия.

Общая и разделяемая левыми силами критика в отношении глобализации происходит именно из отказа жить в однородном мире, выровненном на основе узких главенствующих ценностей, которые не оставляют пространства ни для разности – то есть свободы, – ни для равенства, поскольку настоящее равенство строится на свободе и, таким образом, на различиях, и позволяет иметь «равные условия для старта», а не «равные условия для финиша». Эта сложную связку, состоящую из принципов толерантности-свободы-равенства, сегодня крайне тяжело принять на уровне теоретических дебатов и политических программ, так как она ставит вопрос, как мне кажется, об окончании процесса длиной в век, когда данные принципы сотрудничали и противостояли друг другу. Со времен Французской революции и позднее левые силы верили, что равенство должно и могло быть последующим этапом на пути к свободе и, таким образом, ознаменовать переход от фазы буржуазной – с главенством свободы – к фазе социалистической – с главенством равенства. В современных условиях, после открыто обнаружившегося падения социализма и перед лицом риска, что равенство, понимаемое как выравнивание, предстает в виде глобализации, именно толерантность и свобода – то есть принятие отличного в качестве идеи и реальности – оставляют отпечаток на современной эпохе. Но являются ли толерантность и глобализация принципами, способными ужиться, или же они вновь воспроизводят древнюю дихотомию между равенством и свободой?

Может ли существовать толерантность в рамках глобализации, которая сама по себе означает выравнивание и однородность? Каким образом взаимодей-

ствуют эти два разных принципа? Является ли возможным принять разницу между этими принципами только с позиции общей культурной и абстрактной и отвергнуть ее с точки зрения стилей жизни, потребления, поскольку она идет вразрез с интересами глобализированной экономики и больших корпораций?

Одним из наиболее значительных последствий глобализации, применительно к нами рассматриваемому предмету, является сегодня, на мой взгляд, невозможность сосуществования толерантности и нетерпимости. Ранее это было возможным, сегодня все менее, так как мир — это общее пространство, которое не может оставаться безразличным или отчужденным от того, что происходит на какой бы то ни было широте. Сегодня, с учетом этого, различные проблемы не могут быть более рассмотрены и изучены сами по себе, разделяя их на проблемы национальные и международные, культурные и экономические, социальные и политические, должно учитываться их комплексное взаимодействие. Также и поэтому, я считаю, историческое исследование должно сделать более гибкими свои инструменты и принять часть методологии и тематики из других наук, других дисциплин: от геополитики к международным отношениям, экономике, международному праву, новым отраслям социологии. Это означает, что историческое исследование еще более усложняется и, как никогда, нуждается в обменах, сравнении, встречах. Взаимосвязь между частным и общим не является чем-то новым для историков: их становление основывается на этой непрерывной диалектике, поэтому с позиции метода, по крайней мере, с психологической стороны, мы идем на шаг вперед по сравнению с теми, кто сформировался либо на темах общих, либо на темах частных и их эпистемологический подход к исследованию может, в широком смысле, претерпевать негативные последствия новой ситуации.

Экономика руководит глобализацией, история следует по этому пути, пытаюсь понять её смысл, конечные цели, свойства и даже последствия. Поэтому те, кто изучал процесс рождения современного государства, его структурирование и развитие, возможно, сможет сказать что-либо более осмысленное, чем то, что катастрофическим образом утверждают некоторые ученые по поводу конца государства tout-court. Кто исследовал процесс формирования трастовых компаний (trust), зарождения империализма и так далее с точки зрения общей и специализированной, как зачастую лишь историки могут сделать, будет иметь возможность приблизиться к этой сложной теме с культурным багажом, позволяющим ему привнести полезные элементы, которые помогут понять мир, в котором мы живем.

Мир, его история, характеризуются нетерпимостью в большей степени нежели проявлениями толерантности. Долгие мирные периоды являются редкостью и в подобных случаях они имели место благодаря угрозе разрушительных войн. На основе этого хрупкого равновесия держались судьбы мира в те моменты, когда оружие молчало на поле брани. Больно осознавать это, но присутствие арсеналов, способных разрушить весь мир несколько раз, создавало равновесие, которое гарантировало мир.

Главные действующие лица этого равновесия те же самые, несмотря на то, что отношения между ними, ожидающие их задачи и выбор, который они будут призваны сделать, являются очень разными. Россия, США, Китай сегодня по-прежнему протагонисты мирного равновесия, которое, тем не менее, имеет со-

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Государственного Университета

г. Екатеринбург

вершенно отличные основы, в особенности после террористической атаки на башни-близнецы. Падение Берлинской стены и крах коммунистических режимов фактически завершили период Холодной войны и вместе с ней прежнюю расстановку сил в мире. Все изменилось, и место старого противопоставления «свободного мира» «коммунистическому блоку» сегодня заняли противоречия между западом и мусульманским востоком, хотя они основаны на террористической угрозе, с одной стороны, и на стремлении США утвердить собственное превосходство не только как государства, но как государства-вождя сплоченного блока, руководимого нуждами и выбором американцев.

Возможно, наиболее значительные изменения, тем не менее, коснулись «старого» национального государства, чья роль, функции, природа претерпели глубокую трансформацию. Если фактически этого еще не произошло, то вскоре свершится; речь идет о запущенном процессе, который не закончится в короткое время, и первые аспекты которого, уже дали о себе знать достаточно давно, и они механически не связаны с концом Холодной войны.

Определяющими элементами национального государства, которое исторически реализовалось, являются территория, народ, суверенитет; чтобы имело место государство, должен существовать народ, который приходит на определенную территорию и на ней обладает полным суверенитетом.

Проблемы, тесно связанные с постиндустриальной модернизацией запада, развитием больших экономических и финансовых корпораций, новых технологий, внесли глубокие изменения в природу государства, как она прежде традиционно понималась. Достаточно подумать, к примеру, о передвижении капиталов в реальном времени, способном оказывать сильнейшее давление, а то и прямое вымогательство в отношении целых стран, влияя на их политические решения. Вспомним о загрязнении и необходимости защиты окружающей среды, которая не разделена границами, в отличие от государств, или о миграционных потоках, в особенности нелегальных, о соблюдении прав человека. Все эти факторы в корне изменили процесс осуществления суверенитета в рамках национальной территории, поменялся также учреждающий характер народа вследствие миграций и частых передвижений, находящихся в интересах больших масс.

Согласно мнению некоторых ученых, считающихся «катастрофистами» (*catastrofisti*), национальное государство больше не существует или не имеет никакой роли, которая исполняется теперь большими предприятиями, чья стоимость превышает прибыль целых государств.

Я считаю, что у государства и сейчас есть прерогативы, и его роль лишь изменилась, но не стала меньшей. Власть крупных экономических субъектов ограничила суверенитет государства, которое имеет тенденцию становиться администратором, но вследствие этого утвердился процесс формирования расширенных государственных единиц, так называемых «супергосударств» (*superstati*), примером этого отчасти является Европейский Союз. Национальное государство исторически было инструментом, с помощью которого буржуазия (по определению она была национальной) осуществляла процесс собственной политической и социальной унификации, становясь руководящей силой. Сейчас государство больше не соответствует данной необходимости гегемонии, которая напротив осталась прежней, и буржуазия реагирует выработкой новых решений в ответ на расширение экономи-

ческой сферы и политику глобализации, одним из которых является «супергосударство». Суверенитет, первостепенный параметр для реализации политической власти, переходит, таким образом, к супергосударствам, которые, неслучайно, разделяются на те, которые имеют возможность и способность пользоваться полным суверенитетом, и на те, которые таковой возможности не имеют.

Соединенные Штаты Америки, первое «супергосударство», в состоянии пользоваться полным суверенитетом в пределах собственной территории, так и в отношении других стран. Россия, Европа, в свою очередь, имеют проблемы, связанные с экономической ситуацией в этих странах и для решения многих важных международных вопросов должны прибегать к помощи наднациональных институтов и организаций, таких, как НАТО, которые «контролируются» США и неслучайно с ними отождествляются. Страны Востока же не обладают суверенитетом даже в пределах собственных территорий, где они на их пути встают этнические, племенные и религиозные микронационализмы. В самом деле, кампания против запада, проводимая некоторыми элементами арабско-мусульманского мира ставит своей целью также и его объединение.

Наднациональное пространство является очень важной тенденцией, к которой было бы самонадеянно хотеть приблизиться исключительно в этих рамках. Сейчас мне хотелось бы лишь сказать, что, на мой взгляд, то, что я наблюдаю, – это попытка США придти к некоему наднациональному пространству, или, лучше, укрепить его и расширить его, руководя процессом глобализации преимущественно через экономическое и финансовое пространство. Европа, отличным образом, возможно проследует к этой цели, используя пространство политическое, в то время, как арабский мир, который уже движется в этом направлении, делает это на основе религии.

Остаются за пределами протагонисты первостепенной значимости: Россия и Китай. Они интегрируются? Как? С кем?

В связи с этим появляются многие интересные гипотезы, одна из которых принадлежит российскому ученому Дмитрию Тренину и была недавно опубликована в итальянском журнале “Limes”, посвященном геополитике. Он выдвигает четыре разных гипотезы, которые я хочу привести вашему вниманию. 1) Россия и Китай могли бы найти точку соприкосновения в политике против США. В этом случае, наибольшая угроза миру происходила бы из Кореи, так как встреча этих держав могла бы стать предлогом или возможностью для проявления всей ее опасности. Мне кажется, данная гипотеза слишком связана со схемами Холодной войны и, если внимательно посмотреть, но не так, как может это сделать специалист по геополитике, является возможным утверждение, что сегодня нет предпосылок для китайско-российской «оси». 2) Россия остановится на серединной позиции между Китаем и Западом в ожидании прояснения международной ситуации. В этом случае, считаю, что важная роль принадлежит политике в отношении Европы и развитию новых и более тесных политических и экономических отношений. 3) Россия и США против Китая. Гипотеза может стать реальностью только, если Китай встанет на путь экспансионизма, в частности в отношении восточной Азии. 4) Россия как часть Европы. Возможно, эта гипотеза наиболее близка намерениям правительств стран Европы и России, несмотря на то, что в их среде нет абсолютно разделяемого мнения, на данный момент, по большей части, превалирует согласие, хотя и со многими различиями.

Когда мы выдвигаем гипотезы и размышляем на тему толерантности в современной международной обстановке, мы должны всегда помнить об одной характеристике США — они были империей, перед которой не стояла проблема завоевания территории. Американский империализм проявлялся непривычным образом, его называли «неформальным империализмом», политикой «открытых дверей» потому, что сами США были колонией и как независимое государство возникли вследствие революции. Их целью всегда было освободить мир, а не завоевать его, и уже при президенте Вильсоне, после Первой мировой войны, они четко заявили о своей политике «вторжения» с моральной целью, с целью спасения. Вместе с этим, естественно, преследовались экономические цели и интересы первостепенной важности, которые указывали, тем не менее, на внутренний рост и развитие, как демократии, так и экономики. После реализации «политики помощи» США оставили Европу во власти своих запутанных проблем союзов и границ. Таким образом, каждый их политический выбор должен иметь под собой моральное основание, которое не может считаться ширмой или предлогом: принципы морали, необходимость быть и чувствовать себя «с правильной стороны» имеют глубокие корни в культуре американского народа и вследствие политики, проводимой американскими правительствами, к какому бы лагерю они ни принадлежали: республиканскому или демократическому. В этом контексте необходимо всегда помнить об этой сильной связи между политикой и моралью, хотя также мы не должны забывать, что, в нужный момент, США не колеблются прибегнуть к циничным политическим расчетам. Разве что они должны быть сделаны и оправданы в свете моральных ценностей. После трагедии 11 сентября эта связь стала еще более тесной, моральное обязательство защищать Запад превратилось в ведущую ценность политики, которая традиционно стремится навязать американское превосходство. После перенесенной атаки США думают только об одной территории, требующей защиты, — американской и, вместе с ней, о западной культуре и цивилизации, считая себя, со значительной долей самонадеянности, их абсолютными представителями. Чтобы сделать этот процесс идентификации США с Западом эффективным и действенным, США должны обходиться без Европы, потому что они намереваются представлять именно европейские ценности и культуру и хотели бы избежать конкуренции с ее стороны. В то же время, они пытаются поместить под американский зонтик как Россию, так и Китай, в дерзкой попытке восстановить ситуацию, похожую на существовавшую в эпоху Холодной войны, в которой изменились бы противоборствующие стороны, но во главе того, что считается «поступать правильно», по-прежнему стоят они — Соединенные Штаты.

Проблема, на фоне панорамы международной политики, приобретает значительный размах и большую неясность: с появлением этого нового и устрашающего международного игрока, имя которому исламский терроризм, мы также наблюдаем прогрессивное расширение и усиление Европы, которая движется к континентальным размерам и в которой Россия, как мне кажется, занимает важнейшее место. Более того, в России мы видим попытку выстроить пространство Содружества независимых государств и приблизиться к образованию Евразии.

Все вышесказанное ограничивает проекты и стремления к верховенству США, которые сегодня чувствуют себя как на войне, в то время, как Европа живет с чувством большого беспокойства по поводу проблемы международного терроризма, но не испытывает ощущения нахождения в состоянии войны. С психологи-

ческой точки зрения поведение США можно понять: они сражались и выиграли две мировые войны без единого выстрела на их территории, которую 11 сентября вдруг нарушили, надругались и «обидели».

Следствием этого практически стало перечеркивание термина «толерантность»: кажется, что исламизм, в любой своей форме, стал смертельным врагом, с которым нужно бороться. Политика так называемой «нулевой толерантности», которую мэр Нью-Йорка принял в городе для борьбы с общей криминогенной обстановкой, теперь стала идеей, разделяемой гражданами страны и ее Администрацией.

Концепция права, в области международного правоправедения, была глубоко изменена, что выразилось в искажении либерального принципа, в силу которого человек считается невиновным до тех пор, пока не будет доказана его вина. Действительно, была изменена сама сущность политической стратегии, которая основывалась на этом принципе, и доктрина, называемая сегодня «доктриной Буша», является практическим тому подтверждением. Логика сдерживающего фактора оказалась бесполезной в борьбе с таким коварным и прячущимся врагом, как терроризм, поэтому сегодня идет следование по пути превентивных репрессий: ударить заранее по гнездам терроризма, будь то движения или государства. Все это имеет мало общего с толерантностью, но наоборот создает благоприятную среду для подозрений и меняет концепцию права, национального и международного. Одновременно в корне изменился также порядок принятия политических и военных ответных действий. Раньше существовала коалиция, которая в ходе обсуждения устанавливала, какими должны быть правильные меры в отношении другого государства или движения (террористического или партизанского). Эта функция принадлежала НАТО, так было вплоть до сегодняшнего дня, достаточно вспомнить о недавних событиях на Балканах. После атаки Усамы Бен Ладена в первую очередь принимается решение о действиях, которые необходимо предпринять, и на основе интересов и возможности участия с согласием по поводу конечных целей и политической логики, образуется коалиция. В самой своей сущности миссия устанавливается не 19 государствами НАТО, а Соединенными Штатами, как и происходит в случае с вторжением в Ирак. НАТО, в прежнем своем виде, больше не существует, и не только потому, что Россия историческим решением, доказывающим, насколько сейчас далеки 1917 год и коммунистический опыт, была принята в «клуб» (даже пусть и на маргинальных позициях), но и потому, что стал менее весомым принцип коллективной обороны, явившийся поводом для рождения этой организации.

Действительно, коллективная самооборона против такого врага, как международный терроризм, представляет собой очень сложный вопрос. После войны в Афганистане участники террористической организации Ал-Каида разъехались по всему миру, чтобы продолжать подогревать антизападные и, в первую очередь, антиамериканские настроения. Они оказались также в Западной Европе, в Италии, Франции, Англии, где вступили в контакт с исламскими сообществами и установили стратегические центры, преследующие террористические цели. Таким же образом, они осели в Пакистане с целью усугубить противоречия, которые существуют в этой стране по отношению к Индии, и в Палестине, где с легкостью играют на росте напряжения и обострении конфликтов, способствуя ослаблению умеренного прозападного крыла, целью которого является соглашение с Израилем.

Международный терроризм, который мы сегодня можем идентифицировать с Бен Ладеном, является особо опасным, так как представляет собой сплетение ряда остро стоящих и неразрешенных проблем исламского мира. После длительного периода подданства Западу, за счет внушительных запасов нефти, арабские страны положили начало процессу значительного экономического роста. Но он не вылился в более широкое движение националистической направленности, как наиболее экстремистский ислам хотел бы, не положил начало процессу постепенного расширения собственного суверенитета и отделению от Запада: от его культуры, от его ценностей (которые, в том числе, частично проникли в арабский мир), от его политики. В отличие от того, о чем многие писали, в особенности после 11 сентября, терроризм Бен Ладена не является следствием отчаяния. Нельзя путать политический план с теми, кто совершает действия для приведения его в жизнь: может быть, отчаялись камикадзе, набивая себя тротилом, но не те, кто разрабатывал план, который нам, представителям Запада, всем тем, кто смотрит на мир без пелены тотальной идеологии, кажется безумным и...отчаянным. Также и в этом случае западные параметры сильно отличаются от мусульманских: партизаны, идущие на смерть, знаю, что так они завоюют благословение для них самих и лучшие условия жизни для их близких, которые остаются.

Террористические проекты, напротив, являются результатом крайне опасной смеси, которая рискует способствовать потере в целом любой нити, которая могла бы привести к таким понятиям, как толерантность, сосуществование, уважение. За ними просматриваются экономические причины, в первую очередь, контроль за ресурсами мусульманских земель. На втором месте следуют причины политические, например, теократическая концепция власти и политическая легитимность, понимаемая как происходящая из религии.

Или речь идет о желании взять реванш за века притеснений и вмешательства со стороны Запада, который должен защитить себя, но не забывать о том, что для тех народов является представителем древней традиции угнетения и жестокости. Ко всему этому необходимо добавить религиозные мотивы: объединение исламского мира и выдвижение на лидерские позиции интегралистского и наиболее антизападно настроенного крыла. Таким образом, я бы сказал, что это не отчаяние, а четкий и самый современный проект, согласующийся с логикой супергосударств, и, если бы он был приведен в жизнь, появилась бы конкретная, реальная угроза стабильности и миру.

Сегодня, когда сдерживающее оружие все менее необходимо, и в «стратегии Буша» превалирует идея превентивного наступления, когда политика оружия требует глубокого переосмысления, нужно использовать возможность, чтобы пересмотреть в корне также и то, каким образом использовать инструменты политики. В этом плане, я считаю, что целью политики должно оставаться стремление к изменению существующего таким образом, чтобы не создавалась благоприятная среда для конфликтов и соперничества. Именно поэтому будущее во многом зависит от выбора, который сделают в международной политике «старые» действующие лица, бывший СССР и Китай, а также от роли, которую будет намереваться играть Европа.